

Упрямая невеста генерала дракона. Книга 2

Данна Леднива

Данна Леднива

**Упрямая невеста
генерала дракона. Книга 2**

«Автор»

2026

Леднива Д.

Упрямая невеста генерала дракона. Книга 2 / Д. Леднива —
«Автор», 2026

Он выбрал империю. Она выбрала жить. Пять лет назад Кайрон обрушил скалы на Вэйру и их нерождённого ребёнка, чтобы спасти полмиллиона жизней. Она выжила. Он — нет. Пять лет он жил с мыслью, что убил её. Пять лет она жила с мыслью, что он её предал. Пока они не встретились снова. Они стали Истинной Парой. Их души слились. Их клятва — вечна. Но прошлое не отпускает. Когда Вэйра узнаёт правду о том дне, она разворачивается. И уходит. И рвёт связь. Теперь Кайрон угасает. Драконы умирают, когда теряют свою истинную пару. И только Вэйра может его спасти. Сможет ли она вернуться? Сможет ли он простить? Сможет ли их любовь пережить второй разрыв? Ромфанс. Дракон-оборотень. Истинная пара. Второй шанс. Предательство. Прощение. Возвращение. Дракон, который ждал. Хранительница, которая вернулась.

Содержание

ГЛАВА 1. «Истинная пара»	5
Г	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Данна Леднива

Упрямая невеста генерала дракона. Книга 2

ГЛАВА 1. «Истинная пара»

Ночь в святилище была не такой, как другие ночи, которые я провёл в этом месте за свою долгую жизнь воина и генерала. Золотой свет рун, вырезанных на стенах тысячи лет назад моими предками, не гас, как гаснут обычные огни, когда уходит день, а пульсировал медленнее, глубже, как будто само место чувствовало, что происходит что-то важное, что-то, что случается раз в тысячелетие, когда истинные пары находят друг друга после долгих скитаний. Вода в источнике стала теплее, чем была днём, и от неё поднимался лёгкий пар, который заполнял зал, делая воздух густым, почти осязаемым, пахнувшим древней магией, камнем и чем-то ещё, тем особенным запахом, который бывает только в местах силы, где граница между мирами тонка, как паутинка. Где-то далеко, за толстыми стенами святилища, шумел ветер в горах, carrying с собой запах снега и сосен, но здесь, внутри, было тихо, та тишина, которая бывает только в священных местах, где время замирает и ждёт, где прошлое и будущее сливаются в одно бесконечное настоящее, где есть только два человека и их любовь.

Мы сидели у источника, и она всё ещё лежала головой у меня на плече, её короткие тёмные волосы щекотали мою шею, и я чувствовал, как её дыхание ровное, спокойное, но я знал, что она не спит, я чувствовал это через связь, ту самую нить, что жила в моём солнечном сплетении с того дня, как мы впервые встретились, и которая сейчас, после всех слов, после всех слёз, после всех клятв, которые мы дали друг другу у этого самого источника, стала ярче, сильнее, живее, как будто она тоже радовалась, как будто она тоже понимала, что сейчас произойдёт что-то, что изменит нас обоих навсегда. Я не двигался, боясь спугнуть этот момент, боясь, что если я пошевелюсь, если я скажу что-то не то, если я дышу слишком громко, она передумает, она отстранится, она снова построит стену, ту стену, которую мы с таким трудом разрушили за эти дни, за эти недели, за эти пять лет молчания и боли.

Она подняла голову, медленно, осторожно, как человек, который боится, что движение разрушит хрупкое равновесие, и посмотрела на меня, и в её глазах, тёмно-зелёных с золотыми крапинками, тех самых глазах, которые я помнил с первого дня, когда увидел её в полевом госпитале, молодую целительницу с упрямой морщинкой на лбу, я увидел это мгновенно, как дракон видит добычу, как мужчина видит женщину, которую любит, как человек видит свою судьбу, я увидел решение, то самое решение, которое принимается не разумом, а сердцем, не логикой, а интуицией, не страхом, а любовью.

«Кайрон», сказала она тихо, и её голос был таким, каким я слышал его только один раз, в нашу первую ночь, пять лет назад, когда она шептала мне в шею: «Ты — моё всё», и я почувствовал, как моё сердце пропустило удар, как дракон во мне поднял голову, как нить между нами вспыхнула ярче.

Она замолчала, не от смущения, потому что Вэйра не смущалась, не от страха, потому что она не боялась меня, а от чего-то другого, от той хрупкости, которая бывает, когда ты протягиваешь руку и не знаешь, примут ли её, когда ты открываешь сердце и не знаешь, не разобьют ли его снова, когда ты предлагаешь самое ценное, что у тебя есть, и не знаешь, заслужишь ли ты того, кому это предлагаешь.

«Я хочу, чтобы этой ночью», продолжила она, и её голос был твёрдым, но в нём дрожала та самая нота, от которой у меня сжалось сердце, та нота, которая значила, что она борется с собой, что она преодолевает страх, что она выбирает любовь, несмотря на всё, «мы стали тем, кем должны были стать пять лет назад».

Я замер, не от шока, потому что я не был шокирован, а от осознания, от того, что я понял, что она имеет в виду, от того, что я понял, что она предлагает мне не просто ночь любви, а нечто гораздо большее, нечто, что изменит нас обоих навсегда, нечто, что свяжет нас не только телами, но и душами, не только клятвами, но и магией, не только словами, но и кровью.

Она не просила, она не требовала, она предлагала, и это было страшнее всего, потому что я знал, что она имеет право отозвать своё предложение, что она имеет право передумать, что она имеет право отказаться, и я знал, что если она откажется, я не смогу её винить, не смогу обижаться, не смогу даже расстроиться, потому что после всего, что я сделал, после всего, что я причинил ей, она имела полное право сказать «нет», и я бы принял это, потому что я любил её больше, чем себя, больше, чем свою гордость, больше, чем свою потребность в ней.

Но она не отказалась, она смотрела на меня, и в её глазах была не страсть, не желание, не похоть, хотя всё это тоже было, было глубоко внутри, как огонь под пеплом, но на поверхности, в её глазах, было что-то другое, было доверие, хрупкое, только что родившееся, как росток, пробивающийся сквозь асфальт, но настоящее, настоящее, как её дыхание, как её сердцебиение, как её кровь, которая текла в её венах, которая была связана с моей кровью через нить, которая пульсировала между нами.

«Ты уверена?» спросил я, и мой голос дрогнул, и я не стал это скрывать, потому что я не мог прятаться от неё, не мог носить маску, не мог быть генералом, не мог быть драконом, я мог быть только мужчиной, мужчиной, который любит, который боится, который надеется, который молит, «после всего, что было, после всего, что я сделал, после ущелья, после пяти лет молчания, после того, как я снова выбрал за тебя в башне».

«Я уверена», сказала она, и её голос был твёрдым, тем голосом, которым она говорила, когда принимала решения, которые не подлежали обсуждению, тем голосом, которым она сказала мне в Мёртвых Землях: «Я уже умирала один раз, в том ущелье, не бойся», тем голосом, которым она сказала Вэрэну: «Значит, я умру свободной». «Не потому, что простила тебя полностью, не потому, что всё забыла, потому что я не смогу забыть, не смогу простить до конца, пока мы оба не станем теми, кем должны были стать. А потому, что я хочу идти этим путём, с тобой, несмотря на всё, несмотря на боль, несмотря на страх, несмотря на пять лет ада».

Она протянула руку и коснулась моей щеки, осторожно, едва касаясь пальцами, как будто боялась, что я рассыплюсь, как будто я был сделан из стекла, как будто она боялась, что одно неверное движение разрушит всё, что мы построили за эти дни.

«Я хочу, чтобы этой ночью», повторила она, и её голос стал тише, но твёрже, «мы стали Истинной Парой, не на уровне инстинктов, не в порыве страсти, не как в гроте, когда мы доказывали себе, что мы живы, а на уровне душ, чтобы я видела тебя, полностью, без масок, без генеральской холодности, без драконьей гордости, без пятилетней вины, чтобы ты видел меня, полностью, без стен, без ненависти, без гордости, без страха, чтобы мы, наконец-то, были настоящими, не теми, кем нас сделали обстоятельства, а теми, кем мы должны были быть, если бы пять лет назад я не осталась в ущелье спасать раненых, если бы ты не получил письмо, если бы ты не обрушил скалы, если бы мы не потеряли всё, чтобы мы могли найти друг друга снова».

Я закрыл глаза, и слёзы, горячие, солёные, настоящие, потекли по моему лицу, и я не вытирал их, не прятал их, не стыдился их, потому что она видела меня всего, и это было тем, чего я хотел больше всего на свете, тем, ради чего я жил, тем, ради чего я дышал, тем, ради чего я был готов умереть.

«Да», прошептал я, и мой голос дрогнул, и я не стал это скрывать, «да, Вэйра, я хочу этого, больше всего на свете, больше империи, больше жизни, больше всего».

Она встала, медленно, осторожно, как человек, который ещё учится доверять своему телу после болезни, как человек, который пять лет нёс тяжесть и который только сейчас начал её отпускать, и я встал рядом с ней, и мы стояли друг напротив друга, в золотом свете святилища,

в тишине, которая была громче любого крика, в воздухе, который был густым от магии и ожидания.

Она посмотрела на меня, на моё лицо, на мои руки, на моё тело, то, что было покрыто шрамами от битв, клеймами от клятв, чешуёй, которая проступала на костяшках, когда я волновался, на рёбрах, когда я дышал, на шее, когда я чувствовал её близко, и я посмотрел на неё, на её бледное лицо, на её короткие волосы, которые она постригла пять лет назад, когда решила, что та девушка, которую я любил, умерла в ущелье, на её тело, то, что было покрыто шрамами от пяти лет выживания в нижних кварталах Верена, от камней храма, от яда, который она забрала из меня, когда я умирал в Мёртвых Землях, и я понял, что мы были сломанными, оба, и именно поэтому мы подходили друг другу, потому что только сломанные могут понять сломанных, только те, кто прошёл через ад, могут понять тех, кто прошёл через ад, только те, кто потерял всё, могут понять тех, кто потерял всё.

Она протянула руку, и я взял её ладонь, прижал к своим губам, поцеловал, медленно, нежно, как клятву, как обещание, как договор, который я не нарушу больше никогда, и я почувствовал, как её кожа была тёплой под моими губами, как её кровь пульсировала под моей кожей, как её душа отозвалась на мою, и я понял, что это и есть то, ради чего драконы живут, то, ради чего они сражаются, то, ради чего они умирают.

И потом она сделала шаг вперёд, и расстояние между нами исчезло, и я почувствовал её тепло, её запах, её дыхание, и я понял, что я дома, что я нашёл место, где принадлежу, что я больше не одинок, что я больше не оружие, что я больше не генерал, что я просто мужчина, который любит, и который любим.

Первый поцелуй был не таким, как в гроте, тот поцелуй был другим, там был голод, ярость, отчаяние пяти лет, там было доказательство, что мы живы, что мы чувствуем, что мы не мёртвы внутри, там было всё, что мы не могли сказать словами, что мы не могли выразить жестами, что мы могли только кричать через прикосновения, через зубы, через кровь.

Здесь было что-то другое, здесь было принятие, доверие, обещание, здесь было не доказательство, что мы живы, а обещание, что мы будем жить, не ярость, а нежность, не голод, а благодарность, не отчаяние, а надежда.

Её губы коснулись моих, осторожно, едва касаясь, как будто она боялась, что я рассыплюсь, как будто я был сделан из стекла, как будто одно неверное движение разрушит всё, и я ответил, так же осторожно, так же нежно, как будто я боялся, что она исчезнет, как будто она была миражом, как будто если я моргну, она исчезнет, как исчезла пять лет назад.

Мы стояли так, долго, может быть, минуту, может быть, вечность, просто целуясь, просто дыша друг другом, просто существуя, и я чувствовал, как её дыхание становится ровнее, как её тело расслабляется, как она доверяется мне, как она позволяет себе быть слабой, быть уязвимой, быть живой.

И потом её руки нашли мой камзол, и она расстегнула его, медленно, пуговицу за пуговицей, и я помог ей, снял камзол, бросил на пол, и рубашка последовала за ним, и я стоял перед ней, полуобнажённый, с шрамами на груди, с клеймами на плечах, с чешуёй, которая проступала на рёбрах, и я не стыдился, потому что она видела меня всего, и она не отвернулась, она смотрела на меня, и в её глазах было не осуждение, не жалость, а любовь, та любовь, которая принимает всё, которая видит шрамы и понимает, что каждый шрам — это история, каждая рана — это урок, каждая боль — это часть того, кем мы стали.

Она смотрела на мою грудь, на шрамы, на клейма, на чешую, которая проступала на рёбрах, когда я дышал, и я смотрел на неё, на её рубашку, на шрамы на её руках, на метку на её ключице, ту, что я оставил в гроте, в порыве страсти, ту, что была символом того, что она моя, что я её, что мы принадлежим друг другу, несмотря на всё, несмотря на пять лет, несмотря на боль.

Мы были картами друг друга, и мы читали их, медленно, внимательно, с любовью, и я понял, что это и есть то, что значит любить, не просто смотреть на красоту, а видеть шрамы, не просто целовать губы, а целовать раны, не просто обнимать тело, а обнимать душу.

Она сняла рубаху, бросила на пол, и я увидел её, полностью, без одежды, без масок, без стен, и она была прекрасной, не потому, что была идеальной, не потому, что её тело было безупречным, а потому, что была настоящей, со шрамами, со следами пяти лет ада, со всем, что она несла, со всем, что она пережила, со всем, что сделало её той, кем она была, той, которую я любил, той, ради которой я жил, той, ради которой я был готов умереть.

Я протянул руку, коснулся её щеки, её шеи, её ключицы, её груди, и она вздрогнула, не от холода, потому что в святилище было тепло, не от страха, потому что она не боялась меня, а от узнавания, от того, что её тело помнило мои прикосновения, от того, что её душа узнала мою, от того, что между нами вспыхнуло что-то, что было старше нас, старше святилища, старше империи, что-то, что было в нашей крови, в наших душах, в нашем всём.

«Кайрон», прошептала она, и её голос был хриплым, как будто она не говорила долго, как будто слова застряли в её горле, как будто она боялась, что если она скажет что-то не то, она разрушит этот момент.

Я наклонился, поцеловал её, глубже, страстнее, но нежно, всегда нежно, потому что я понял, что нежность — это не слабость, а сила, что нежность — это не уступка, а выбор, что нежность — это то, что отличает мужчину от оружия, человека от зверя, любовь от похоти.

Мы опустились на пол, у края источника, и золотой свет пульсировал вокруг нас, и я чувствовал, как магия места отзывается, как будто святилище знало, как будто оно ждало, как будто оно благословляло, как будто оно радовалось вместе с нами, как будто оно понимало, что сейчас произойдёт что-то, что изменит не только нас, но и его, что-то, что сделает его ещё сильнее, ещё живее, ещё более священным.

Её кожа была тёплой под моими руками, живой, настоящей, моей, и я целовал её, шею, ключицы, грудь, и каждое прикосновение было обещанием, каждое было клятвой, каждое было доказательством, что я здесь, что я её, что я не уйду, что я не предаю, что я не выберу за неё, что я буду рядом, всегда, до последнего вдоха, до последней секунды, до самой смерти.

Она гладила меня по волосам, по плечам, по спине, и её руки дрожали, не от страха, а от всего, от пяти лет, от боли, от любви, от надежды, от того, что она наконец-то позволила себе быть слабой, быть уязвимой, быть живой, и я понял, что это и есть то, что значит доверять, не просто отдать своё тело, а отдать свою душу, не просто позволить прикоснуться, а позволить увидеть, не просто быть рядом, а быть одним.

И потом мы соединились, и это было не как в гроте, в гроте был огонь, ярость, доказательство, что мы живы, здесь было что-то другое, здесь было слияние, единение, то, ради чего драконы живут, то, ради чего они сражаются, то, ради чего они умирают.

Я вошёл в неё, медленно, осторожно, как человек, который входит в храм, как человек, который входит домой, как человек, который, наконец-то, нашёл место, где принадлежит, и она вздрогнула, не от боли, а от узнавания, от того, что её тело помнило, от того, что её душа узнала, от того, что между нами вспыхнуло что-то, что было старше нас, старше времени, старше всего.

«Кайрон», прошептала она, и её голос был хриплым, как будто она не говорила долго, как будто слова застряли в её горле, как будто она боялась, что если она скажет что-то не то, она разрушит этот момент.

Я закрыл глаза, вдохнул, глубоко, жадно, как человек, который, наконец-то, может дышать, и её запах, горький чай, травы, она, наполнил мои лёгкие, и я почувствовал, как что-то внутри меня щёлкнуло, как замок, как пазл, как судьба, и я понял, что это и есть то, что значит найти свою пару, то, что значит быть дома, то, что значит быть целым.

И потом я увидел, золотую нить, она вспыхнула между нами, яркая, пульсирующая, живая, и я видел её, не глазами, а душой, она шла от моего сердца к её сердцу, от моей души

к её душе, она была толстой, как канат, она была горячее, как огонь, она была настоящей, и я понял, что это и есть то, что связывает истинные пары, не магия, не клятвы, не кровь, а нить, которая была в нас с самого начала, которая ждала, пока мы будем готовы её увидеть, пока мы будем готовы её принять, пока мы будем готовы стать тем, кем мы должны были быть.

И через неё я увидел её, не тело, не лицо, а её, её боль, пять лет, пять лет ненависти, пять лет стены, пять лет молчания, я увидел её страх, страх снова довериться, страх снова потерять, страх снова любить, я увидел её вину, вину за ребёнка, вину за город, вину за то, что она выжила, и я плакал, потому что я видел всё, потому что я понимал всё, потому что я, наконец-то, знал, через что она прошла, что она несла, что она пережила.

И она увидела меня, я чувствовал это через нить, через связь, через всё, она увидела мои пять лет ада, мою бессонницу, мою заколку, моё ущелье, мою вину, мою боль, мою любовь, мою тоску, и она плакала, потому что она видела всё, потому что она понимала всё, потому что она, наконец-то, знала, через что я прошёл, что я нёс, что я пережил.

Мы плакали оба, в золотом свете святилища, в объятиях друг друга, в единении, и я понял, что это и есть то, что значит любить, не просто быть рядом, а быть одним, не просто видеть тело, а видеть душу, не просто целовать губы, а целовать раны, не просто обнимать, а исцелять.

И потом дракон во мне зашевелился, не от похоти, а от инстинкта, от того, что было древнее, чем человек, древнее, чем разум, древнее, чем всё, метка, и я понял, что сейчас произойдёт то, что изменит нас обоих навсегда, то, что свяжет нас не только душами, но и телами, не только клятвами, но и кровью, не только словами, но и магией.

Я наклонился, нашёл её шею, то место, где кожа была тоньше, где пульсировала жизнь, где ждала метка, и я укусил, не до крови, но достаточно, чтобы оставить след, достаточно, чтобы оставить метку, достаточно, чтобы оставить клятву, и её кожа была тёплой под моими зубами, её кровь пульсировала, её душа отозвалась, и она ахнула, не от боли, а от узнавания, от того, что её тело знало, от того, что её душа приняла.

Я отпустил, посмотрел на её шею, и метка была там, тёмная, пульсирующая, живая, метка истинной пары, метка навсегда, и я понял, что это и есть то, что значит принадлежать, не просто любить, а быть связанным, не просто быть рядом, а быть одним, не просто выбирать, а быть выбранным.

Она посмотрела на меня, и в её глазах были слёзы, но она улыбалась, и потом она сделала то, чего я не ожидал, она наклонилась, нашла моё плечо, то место, где кожа была тоньше, где пульсировала жизнь, где ждала метка, и она укусила, не до крови, но достаточно, достаточно, чтобы оставить след, достаточно, чтобы оставить метку, достаточно, чтобы оставить клятву.

Я застонал, не от боли, а от узнавания, от того, что моё тело знало, от того, что моя душа приняла, и она отпустила, посмотрела на моё плечо, и метка была там, тёмная, пульсирующая, живая, метка истинной пары, метка навсегда, симметрично, равноправно, клятва равных, и я понял, что это и есть то, что значит быть парой, не просто любить, а быть равными, не просто выбирать, а быть выбранными, не просто принадлежать, а принадлежать друг другу.

Мы лежали так, долго, может быть, час, может быть, всю ночь, может быть, вечность, сплетёнными, в золотом свете, в тишине святилища, в единении, и я чувствовал её, полностью, через нить, через связь, через всё, её боль, её радость, её страх, её любовь, её всё, и она чувствовала меня, полностью, мою боль, мою радость, мой страх, мою любовь, моё всё, и мы были одним, не телами, а душами, и это было самым интимным, что я пережил в своей жизни, не из-за эротики, хотя она была, и она была горячее, и она была настоящей, а из-за близости, из-за того, что мы, наконец-то, увидели друг друга, полностью, без масок, без стен, без всего, и мы были настоящими, не теми, кем нас сделали обстоятельства, а теми, кем мы должны были быть.

И потом я заговорил, тихо, хрипло, как человек, который не говорил долго, как человек, который боялся, что если он скажет что-то не то, он разрушит этот момент.

«Теперь я чувствую тебя», сказал я, «всегда, твою боль, твою радость, твой страх, твою любовь, твоё всё, и я не отпущу тебя, никогда, ни за что, потому что ты моя, и я твой, и мы одно, и это навсегда».

Она посмотрела на меня, и улыбнулась, той улыбкой, которую я ждал пять лет, той улыбкой, ради которой я жил, той улыбкой, которая была домом.

«Добро пожаловать в мою голову, генерал», сказала она, «тут не очень уютно».

И я засмеялся, не тихо, не сдержанно, не по-генеральски, я засмеялся по-настоящему, громко, от души, как человек, который, наконец-то, позволил себе быть счастливым, впервые за пять лет, и она посмотрела на меня, и тоже засмеялась, и мы лежали так, сплетёнными, в золотом свете, в тишине святилища, и смеялись, как два человека, которые, наконец-то, нашли друг друга, как два человека, которые, наконец-то, дома.

Я прижал её closer, поцеловал её в макушку, вдохнул её запах, её тепло, её всё, и я понял, что это и есть то, что значит быть дома, не в цитадели, не в покоях, не в империи, а здесь, в её объятиях, в её любви, в ней.

«Я дома», прошептал я, «наконец-то».

Она не ответила, она просто прижалась closer, и я почувствовал, через нить, через связь, через всё, что она чувствовала то же самое, что она дома, что мы дома, что мы вместе, что мы одно, что мы навсегда.

Мы были дома, всегда.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.